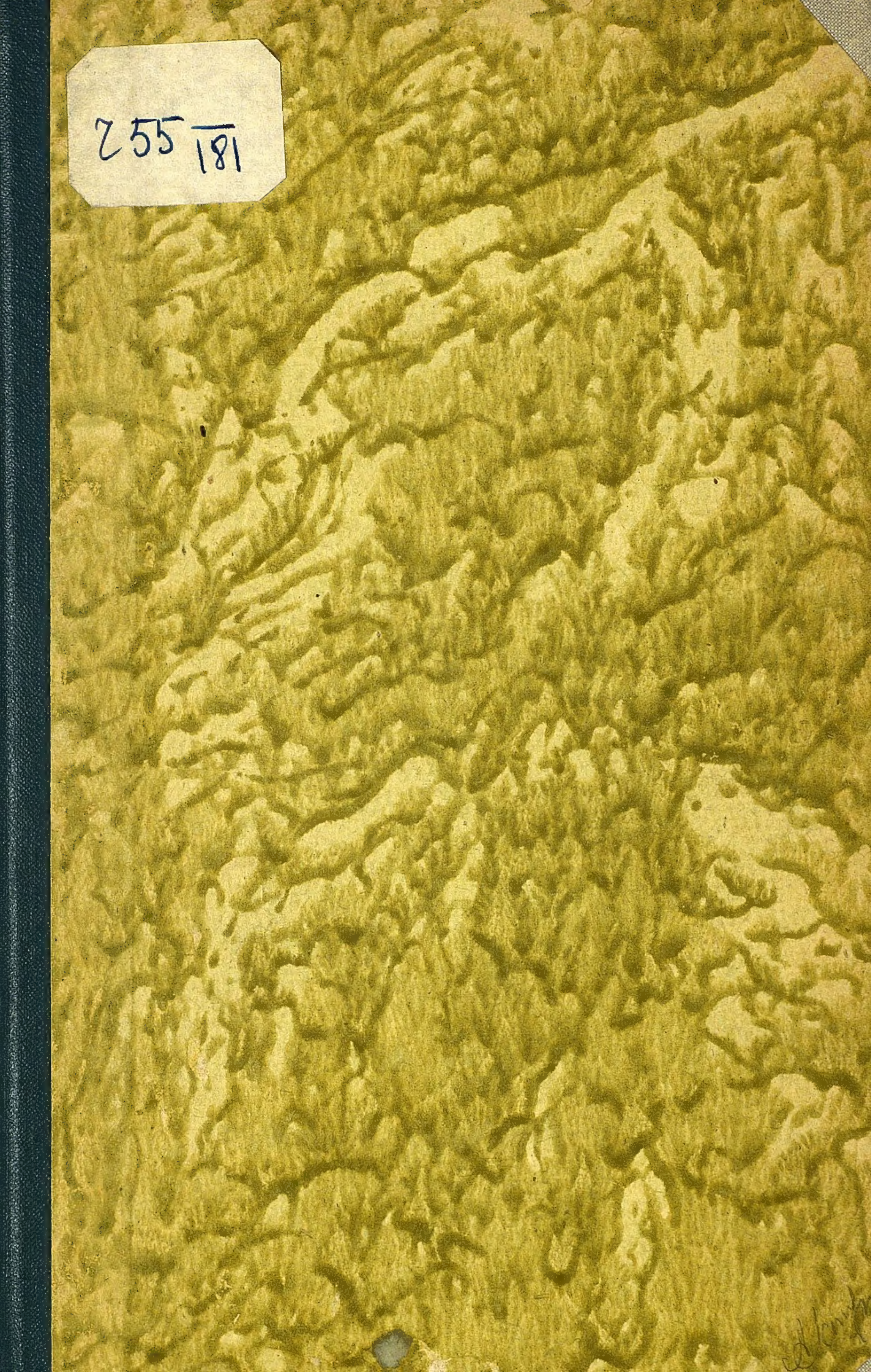

ЗАСЕЛЕНІЕ

УСТИНСКОЙ ВОЛОСТИ

Костромской губерніи.

П. Китицына.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1901.

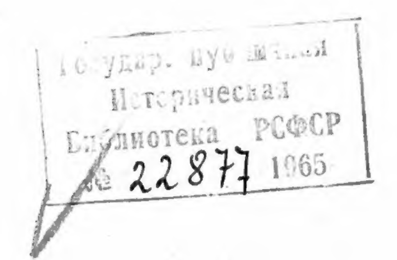
ЗАСЕЛЕНІЕ
УСТИНСКОЙ ВОЛОСТИ
Костромской губерніи.

П. Китицына.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1901.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Членъ Совѣта *Н. Петровскій.*

ЗАСЕЛЕНІЕ УСТИНСКОЙ ВОЛОСТИ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

I.

Восточная часть Костромской губерніи начала заселяться въ первой половинѣ XV вѣка, когда былъ основанъ преп. Макаріемъ монастырь на р. Унжѣ.

Въ началѣ XVI столѣтія, для защиты отъ татарскихъ набѣговъ, Василій Іоанновичъ повелѣлъ построить пограничныя крѣпости на мѣстѣ Ветлуги, Кологрива и въ Галичѣ (въ 1505—1534 гг.)

До покоренія, въ 1552 году, царства Казанскаго, частые набѣги татаръ препятствовали заселенію Приветлужья. Послѣдній ихъ набѣгъ на Галичъ былъ въ 1549 году; по другимъ свѣдѣніямъ, татарами совершено было нападеніе еще въ 1557 году [1]). Послѣ завоеванія Казани, во второй половинѣ XVI столѣтія, мѣстность по теченію р. Ветлуги заселилась выходцами изъ другихъ мѣстностей Россіи.

Однимъ изъ первыхъ поселеній въ этой странѣ, покрытой непроходимыми лѣсами, былъ скитъ, основанный преп. Варнавой, на правомъ берегу р. Ветлуги, на мѣстѣ нынѣшняго г. Варнавина, въ 1464 году.

---

[1]) См. Костром. губ. вѣд. 1877 г., №№ 47—50, Галичъ.

Въ описаніи Костромской губерніи [1]) сказано, что св. Варнава для безопасности отъ набѣговъ черемисъ поселился на горѣ, находившейся въ ста верстахъ отъ селеній; слѣдовательно, уже въ то время по берегамъ р. Ветлуги существовали поселенія.

Предположеніе это подтверждается существующимъ преданіемъ о путешествіи преп. Варнавы изъ г. Устюга внизъ по р. Ветлугѣ.—Мы пользовались рукописью Петра Григорьева, основателя каменной церкви въ с. Рождественскомъ, Даровато тожъ, Ветлужскаго уѣзда.—Въ этой рукописи сказано, что когда преп. Варнава путешествовалъ изъ г. Устюга по р. Ветлугѣ, то останавливался у предка Григорьева, въ д. Козіонихѣ, близъ с. Даровато. Во время пребыванія своего въ этой деревнѣ онъ предсказалъ, что на ближайшей горѣ будетъ выстроенъ большой храмъ. Дѣйствительно, церковь въ с. Дароватовѣ принадлежитъ къ лучшимъ храмамъ въ Костромской губерніи.

Найденныя нами въ Уренской волости орудія каменнаго и бронзоваго вѣковъ указываютъ на то, что аборигены края въ древности достигли уже извѣстнаго развитія, такъ какъ орудія эти довольно разнообразны [2]).

Въ XVII столѣтіи восточная часть Варнавинскаго уѣзда, по лѣвую сторону Ветлуги, была покрыта дремучимъ лѣсомъ и слабо населена черемисами, жившими небольшими починками или деревушками. Въ это время начали стремиться за р. Ветлугу старообрядцы изъ другихъ мѣстностей Россіи, преимущественно изъ-подъ Москвы, и вступили съ черемисами въ борьбу за обладаніе этимъ краемъ. Не считаемъ возможнымъ согласиться съ мнѣніемъ, что въ древности бе-

---

[1]) См. Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Костромская губернія. Соч. Крживоблоцкаго, стр. 15.

[2]) Образцы каменныхъ орудій и кости мамонта были отосланы нами въ 1880 и 1881 гг. въ Московское Археологическое Общество.

рега Ветлуги были населены мерянами, а не черемисами[1]); какъ научные доводы, такъ и преданія, сохранившіяся у крестьянъ Приветлужья, доказываютъ, что Варнавинскій уѣздъ былъ населенъ черемисами. Такъ, на это указываютъ названія рѣкъ и урочищъ, напр. рѣчки Б. и М. Черемиски, притокъ рѣки Тухоги, впадающей въ рѣку Темту, рр. Утросъ Б. и М., Кежбажъ и др. Приводимыя въ качествѣ мерянскихъ названія селеній, напримѣръ Урень, Терсехъ и др., могли принадлежать и черемисамъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что мерянскихъ названій въ этомъ краѣ не встрѣчается; они сохранились только на западъ отъ Унжи. Несомнѣнно, что изъ Вятки и Вологды также переходили поселенцы на р. Ветлугу, но съ юга переселялись они въ большемъ числѣ.

Борьба за обладаніе приветлужскимъ краемъ кончилась тѣмъ, что черемисы были частью истреблены русскими, а частью оттѣснены дальше на востокъ, въ нынѣшній Яранскій уѣздъ, въ которомъ живутъ и теперь.

Вслѣдъ за выселеніемъ черемисъ изъ Варнавинскаго уѣзда наступилъ періодъ разселенія русскихъ. Право на земли Устинской волости крестьяне основывали на томъ, во первыхъ, что они первоначально заняли эти земли, и во вторыхъ на томъ, будто предки ихъ купили всѣ земли у Императрицы Екатерины I-й. Заселеніе земель происходило по собственному выбору поселенцевъ; сверхъ земель, занятыхъ подъ поселенія или починки, крестьянамъ принадлежало много полянокъ въ лѣсахъ, составлявшихъ собственность каждаго семейства и переходившихъ по наслѣдству отъ отца къ сыну.

До генеральнаго межеванія Устинская волость принадлежала къ числу дворцовыхъ имѣній, и причислялась къ Яранскому подгородному стану, Царевосанчурскаго уѣзда, Свіяжской провинціи, Казанской губерніи[2]). Число жителей

---

[1]) См. Списки насел. мѣстъ Костромской губ. С.-Петербургъ, 1877 г.

[2]) См. Объясн. къ учеб. атл. по Русск. истор. Е. Замысловскаго, СПБ. 1887 г., стр. 165.

ея неизвѣстно, но можно полагать, что оно было значительно, потому что 20 января 1764 года изъ Устинской волости было уплачено крестьянами за расколъ въ Московскую статсъ-контору 699 руб. 95 к.

Управляющимъ Устинской волости въ то время былъ стряпчій В. И. Яковлевъ, жившій въ г. Яранскѣ, въ которомъ находилось дворцовое управленіе. Изъ приговора, даннаго крестьянами Устинской волости въ 1769 г., видно, что подъ управленіемъ его имъ жилось хорошо.

Распоряженія Яковлева показываютъ, что онъ заботился о предохраненіи крестьянъ отъ чумы, свирѣпствовавшей въ Россіи въ 1771 году (до насъ дошло наставленіе, какъ предохранять людей отъ заразы, подписанное Яковлевымъ 5 января 1772 года).

Пользуясь раскладкой 1766 г., покажемъ размѣръ платежей крестьянъ.

Въ Устинской волости по третьей ревизіи мужескаго пола числилось 2247 душъ, да спорныхъ 4 души, а всего 2247 душъ; съ нихъ взыскивалось подушныхъ по 35 коп. съ души въ годъ 786 руб. 45 к., накладныхъ по 2 коп. съ рубля, 15 р. 74 к., дворцовыхъ доходовъ по $6^1/_2$ к. съ души, сборщику по $2^1/_2$ к. съ рубля, 55 руб. 15 к., за почтовую гоньбу 11 руб., за дрова 8 руб., за перевозъ 4 руб. 50 к., писчику 13 руб., старостѣ 20 руб., всего 2318 р. $21^1/_2$ к. Изъ этой раскладки видно какъ число крестьянъ, такъ и тѣ повинности, которыя приходилось имъ платить. Такимъ образомъ крестьянинъ платилъ всего по 1 руб. съ небольшимъ въ годъ съ души, имѣя въ пользованіи до ста десятинъ земли. Послѣ этого понятно стремленіе ихъ въ Устинскую волость на жительство. Помѣщики ближайшихъ къ ней селеній не могли удержать своихъ крестьянъ отъ бѣгства, такъ какъ слава о привольной жизни въ Устинской волости была распространена далеко.

Въ числѣ видныхъ дѣятелей XVIII в. въ Устинской волости былъ писчикъ (писецъ) Михаилъ Васильевичъ Слѣпышевъ, болѣе 26 лѣтъ имѣвшій громадное вліяніе на всѣ дѣла

волости; поэтому мы изложимъ его дѣятельность нѣсколько подробнѣе.

Бѣглые являлись въ Устинской волости въ сборную избу, и писчикъ М. В. Слѣпышевъ, управлявшій на самомъ дѣлѣ волостью, вносилъ ихъ въ списки.

Въ это время въ лѣсахъ Варнавинскаго уѣзда пряталось много разбойниковъ и бѣглыхъ. Каждый крестьянинъ, скрывавшійся здѣсь отъ своего помѣщика, считалъ себя уже въ безопасности, такъ какъ его не выдавали владѣльцу сельскія власти, заинтересованныя въ скорѣйшемъ заселеніи порожнихъ земель; сами же владѣльцы не рѣшались отправляться въ волость за своими крестьянами; поиски ихъ не могли быть успѣшны. Когда нельзя было скрыть бѣглаго, его выдавали помѣщику, а тѣ, которые давали бѣглому пристанище, подвергались наказанію. Это видно изъ приговора (отъ 8 іюня 1770 года), даннаго выборными Устинской волости Михаилу Слѣпышеву, въ которомъ ему поручалось наказать крестьянъ Кондрата и Филиппа Ивановыхъ за укрывательство бѣглой боярской женки. Нельзя сказать, чтобы одинъ Слѣпышевъ скрывалъ бѣглыхъ; такъ поступали и другіе начальники, какъ видно изъ сохранившихся документовъ.

Населеніе Устинской волости, состоявшее изъ дворцовыхъ и господскихъ крестьянъ, какъ занявшее государственную землю, при первой ревизіи было приписано къ дворцовому вѣдомству, какъ выше упомянуто.

Послѣ первой ревизіи бѣглые крестьяне были отысканы своими помѣщиками и приведены въ Свіяжскую провинціальную канцелярію. Когда изъ допроса бѣглыхъ выяснилось, кому они принадлежатъ, то велѣно было отправить ихъ къ помѣщикамъ на счетъ укрывавшихъ ихъ дворцовыхъ крестьянъ; но предварительно объ этомъ было представлено Дворцовою канцеляріею Императору Петру 1-му, при чемъ она полагала предоставить владѣльцамъ право вывозить принадлежащихъ имъ крестьянъ изъ тѣхъ деревень, въ которыхъ всѣ бѣглые, или же въ числѣ дворцовыхъ окажется половина

или треть бѣглыхъ. Съ этимъ мнѣніемъ Петръ не согласился и въ 1723 году повелѣлъ: „гдѣ цѣлыя селенія или половина или треть господскихъ крестьянъ окажется, таковыхъ не вывозить, а отдать господамъ тѣ селенія; а гдѣ меньше трети, таковыхъ вывозить по указамъ. Поэтому Дворцовая канцелярія предписала Казанской Конторѣ повѣрить число крестьянъ Устинской волости въ деревняхъ Буренинѣ, Темтѣ, Кочешковѣ и Полетаевой, въ которыхъ жили помѣщичьи крестьяне вмѣстѣ съ дворцовыми.

Въ Устинскую волость въ 1731 году былъ командированъ секретарь Аѳанасій Савиновъ, который нашелъ въ этихъ деревняхъ бѣглыхъ господскихъ крестьянъ больше трети, и потому въ вывозѣ владѣльцу ихъ, оберъ гофмейстеру М. Д. Олсуфьеву, было отказано. На восемь дворовъ крестьянъ Олсуфьева, отведено по три десятины пашни на каждый дворъ, а сѣнные покосы и лѣса оставлены въ общемъ пользованіи съ дворцовыми крестьянами. Такъ пользовались землями помѣщичьи и дворцовые крестьяне до генеральнаго межеванія

При генеральномъ межеваніи Устинской волости въ 1779 году землемѣръ поручикъ Лермонтовъ замежевалъ, по указанію повѣреннаго дворцовыхъ крестьянъ С. Г. Шварева, всю дачу за дворцовыми крестьянами, помѣщичьимъ же отдѣлилъ одну пахотную землю. Послѣдніе подали (12 августа 1779 года) Лермонтову заявленіе, въ которомъ объясняли, что за дальностью лѣсныхъ угодій они отвести ихъ къ своимъ деревнямъ не могутъ и просили оставить эти угодья въ общемъ ихъ пользованіи съ дворцовыми крестьянами; но онъ не исполнилъ ихъ просьбы. По преданію, сохранявшемуся у крестьянъ д. Буренина, передъ начатіемъ генеральнаго межеванія дворцовые крестьяне, по приказанію Слѣпышева и другихъ вліятельныхъ лицъ. поили нѣсколько дней помѣщичьихъ крестьянъ и достигли того, что повѣренные ихъ не могли во время явиться къ Лермонтову; поэтому всѣ земли онъ замежевалъ за дворцовыми крестьянами.

На дѣйствія Лермонтова была подана, въ 1782 году, въ

Костромскую межевую контору генералъ-маіоромъ Олсуфьевымъ жалоба, а повѣренные дворцовыхъ крестьянъ заявили, что они владѣли вмѣстѣ землями. Поэтому контора предписала Лермонтову проведенную имъ внутреннюю межу между владѣльческими и дворцовыми крестьянами уничтожить, записавъ ихъ общими владѣльцами всей Устинской волости. Рѣшеніе конторы было обжаловано дворцовыми крестьянами, которые ссылались на то, что планъ съ книгой Устинской волости подписанъ повѣреннымъ Олсуфьева, и по этой жалобѣ губернская межевая канцелярія отмѣнила рѣшеніе конторы и предписала послѣдней вновь разсмотрѣть дѣло. По новому разсмотрѣнію дѣла, межевою конторою было рѣшено, въ 1789 году, оставить жалобу Олсуфьева безъ послѣдствій, а межи, проведенныя Лермонтовымъ, утвердить. Для окончательнаго утвержденія этихъ межъ былъ командированъ прапорщикъ Г. Авдаковъ, которымъ сочиненъ планъ 13 Октября 1789 года на земли д. Темты и Бурениной, въ количествѣ 486 десятинъ 505 саж., всей же земли въ Устинской волости было 278,868 десят. 1451 квад. саж.

Въ этомъ дѣлѣ допущены были межевою конторою, какъ видно изъ дѣла, неправильности. Такъ, она не разсмотрѣла, какъ слѣдовало, заявленій, поданныхъ въ контору повѣренными дворцовыхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, въ которыхъ тѣ доказывали, что вся земля въ Устинской волости находилась въ общемъ ихъ пользованіи.

Но срокъ для обжалованія этого рѣшенія конторы Олсуфьевъ пропустилъ и крестьяне его остались съ нарѣзанными Лермонтовымъ землями. Такимъ образомъ дворцовые крестьяне воспользовались всѣми землями Устинской волости; ихъ по четвертой ревизіи числилось менѣе 3,000 душъ, такъ что земли приходилось на каждую душу около ста десятинъ! Крестьянъ Олсуфьева въ деревняхъ Буренинѣ и Темтѣ по той же ревизіи значилось 26 душъ, а съ дворцовыми 242 слѣдовательно, земли имъ приходилось на душу всего лишь по двѣ десятины, такъ какъ всей земли, какъ выше показано,

имъ отведено было 486 десятинъ. За смертью Олсуфьева, сестра его Анна Талызина ходатайствовала за своихъ крестьянъ въ межевой канцеляріи, а потомъ сами крестьяне, будучи отпущены на волю, просили Варнавинскій Уѣздный Судъ о выдѣлѣ имъ земли изъ владѣнія дворцовыхъ крестьянъ, но просьба ихъ не была удовлетворена. Впослѣдствіи они получили права вольныхъ хлѣбопашцевъ.

Какъ видно изъ счета старосты дворцовыхъ крестьянъ Устинской волости, посланнаго въ Яранскъ, въ поѣздкѣ имъ было израсходовано: 1) отдано за постой въ Лапшинскомъ станѣ черемисину 1 деньгу, 2) отдано правителю В. И. Яковлеву 1 руб., 3) отдано яранскимъ подъячимъ 25 коп., 4) управительскому служителю Никанору 2 коп., 5) канцеляристу Ивану Иконникову 30 коп., 6) воеводѣ отнесено калачей на 10 коп., 7) колодникамъ дано 3 коп. и т. д.

Но возвратимся къ дѣятельности Слѣпышева.

Въ началѣ своего поприща Слѣпышевъ подвергся, вмѣстѣ съ другими крестьянами, за какія то „продерзости“, намъ неизвѣстныя, наказанію плетьми, какъ видно изъ указа Казанской Губернской Канцеляріи 7 января 1764 года къ управителю Устинской волости.

Крживоблоцкій говоритъ о Слѣпышевѣ, что онъ поселилъ расколъ въ Уренской волости и слово его долгое время было закономъ для крестьянъ Мы увидимъ ниже, что этотъ отзывъ вполнѣ справедливъ.

Въ указѣ Яранской воеводской канцеляріи „Управительскимъ дѣламъ“ сказано, что выборные отъ крестьянъ Устинской волости д. Трошкова Иванъ Федоровъ, с. Карпова Борисъ Петровъ 2 іюня 1771 года жаловались на старосту Ковшарева и писчика Михаила Слѣпышева за то, что они назначили базарнымъ днемъ въ с. Уренѣ, безъ мірского приговора, вторникъ, вмѣсто воскресенья, и просили распоряженіе ихъ отмѣнить, а Слѣпышева уволить отъ должности.

Воеводская канцелярія, принявъ во вниманіе, что жалобу эту подписали 287 человѣкъ, и притомъ имѣя въ виду, что

на Слѣпышева было подано раньше нѣсколько жалобъ, сообщила объ этомъ „Дворцовымъ Управительскимъ дѣламъ"—. Изъ подписки, данной выборными Устинской волости варнавинскому исправнику Казимирову, видно, что начальству было извѣстно объ излишнихъ сборахъ, взыскивавшихся сельскими властями съ крестьянъ.

По жалобѣ на Слѣпышева, въ августѣ 1783 года, пріѣзжалъ въ Устинскую волость директоръ экономіи, Авраамъ Квашинъ, который приказалъ выбрать новыхъ сельскихъ начальниковъ. Поэтому были избраны въ старосты крестьянинъ Голякова, Романъ Ефимовъ, а Ивану Плѣшивенку, противнику Слѣпышева, поручена была письменная часть въ приказной избѣ, но потомъ, по проискамъ Слѣпышева, Квашинъ приказалъ посадить старосту Ефимова и писаря Плѣшивенка въ Макарьевскую расправу, такъ какъ они были обвинены въ подложномъ составленіи приговора. Тогда Плѣшивенко въ 1784 году подалъ правителю Костромского Намѣстничества, генералъ-маіору Ламбу, жалобу, въ которой изложилъ подробно ходъ всего дѣла и просилъ освободить его изъ-подъ ареста. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что директоръ Квашинъ, задобренный Слѣпышевымъ, дѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ не вполнѣ правильно, и потому долженъ былъ оставить мѣсто директора экономіи.

Слѣпышевъ употребилъ другое средство для того, чтобы устранить Плѣшивенка отъ вліянія на дѣла: отдалъ его вмѣстѣ съ другими его товарищами въ военную службу. Но Плѣшивенко не унывалъ и обратился съ жалобой къ генералъ-губернатору.

Въ жалобѣ, поданной имъ вмѣстѣ съ Климовымъ и Борисовымъ генералъ-поручику И. А. Заборовскому, онъ обвинялъ Слѣпышева въ укрывательствѣ бѣглаго каторжника. По этому доносу генералъ-губернаторомъ былъ посланъ для поимки каторжника офицеръ Сверчковъ съ командою; но ему не удалось взять бѣглаго, потому что послѣдній успѣлъ во время скрыться.

Нѣсколько позже крестьянинъ Ивановъ жаловался на Слѣпышева правителю Намѣстничества генералъ-маіору И. В. Ламбу, причемъ писалъ, что выборные безъ согласія Слѣпышева ничего не дѣлаютъ: такъ, ими было собрано на 1-ю половину 1787 г. съ крестьянъ Устинской волости 22362 р. и неизвѣстно, на что деньги эти употреблены.

Нельзя сказать, чтобы начальство не обращало вниманія на безпорядки, происходившіе въ то время въ Устинской волости, но это нисколько не улучшало положенія дѣлъ въ ней, потому что власти поручали производство разслѣдованій низшимъ чиновникамъ, которые были заодно съ Слѣпышевымъ. Такъ какъ Устинская волость принадлежала къ Макарьевской провинціи, то всѣ распоряженія, относящіяся къ волости, намѣстникъ и правитель намѣстничества дѣлали чрезъ Макарьевскую верховную расправу.

Изъ предписанія (отъ 18 декабря 1783 года) правителя намѣстничества, И. Чернышева, видно, что онъ поручилъ предсѣдателю Макарьевской расправы, кн. Мещерскому, отправиться въ Устинскую волость, освободивъ изъ-подъ ареста крестьянъ, взятыхъ изъ этой волости товарищемъ его, Верховскимъ, при раздѣленіи ея на двѣ части, устранить Слѣпышева отъ вотчинныхъ дѣлъ и назначить старостою вмѣсто Федорова крестьянина Ефимова, выбраннаго раньше на это мѣсто. Несмотря на это, Слѣпышевъ почти 8 лѣтъ пользовался еще вліяніемъ на дѣла Устинской волости.

Въ указѣ Правительствующаго Сената генералъ-губернатору гр. Салтыкову сказано, что въ 1786 году Слѣпышевъ, по довѣренности крестьянъ Устинской волости, подалъ въ сенатъ жалобу на костромскую казенную палату въ неправильномъ взысканіи штрафа съ крестьянъ Устинской волости за пропущенныя при ревизіи души.

При всемъ томъ на Слѣпышева по прежнему поступали жалобы, но какъ онъ самъ, такъ и соучастники его въ злоупотребленіяхъ защищались довольно ловко, употребляя всѣ средства повернуть дѣло въ свою пользу. Не довольствуясь

тѣмъ, что жаловались въ сенатъ на казенную палату, крестьяне Устинской волости 17 ноября 1787 года составили приговоръ, которымъ уполномочили Слѣпышева отправиться къ новому генералъ-губернатору Заборовскому въ г. Владимиръ и просить его, дабы благоволилъ за прописныя въ ревизскихъ сказкахъ 418 душъ, съ начала 1783 года, подушныя, оброчныя и штрафныя деньги съ ихъ волости, „по крайнему неимуществу и скудости крестьянъ“, на основаніи манифеста отъ 28 іюня 1787 года, изъ оклада исключить, такъ какъ прописка душъ при четвертой ревизіи „послѣдовала неумышленно и не отъ крестьянъ, а отъ сочинителя тѣхъ ревизскихъ сказокъ писаря Данила Иванова и земскаго Наума Александрова“. Имѣло ли успѣхъ ходатайство это у генералъ-губернатора, неизвѣстно; но изъ рѣшенія по этому дѣлу въ концѣ 1796 года видно, что первый департаментъ верхней расправы призналъ виновными въ припискѣ ревизскихъ душъ выборныхъ Авросима Дмитріева, Василія Матвѣева, старосту Якима Кондратьева и писаря Данила Иванова, но такъ какъ выборные бѣжали, а писарь умеръ, то старосту Кондратьева, на основаніи манифестовъ отъ 28 іюня 1787 года и 2 сентября 1793 г., освободилъ отъ тѣлеснаго наказанія и взыскалъ съ имущества виновныхъ по 10 р. Такимъ образомъ крестьяне Устинской волости и на этотъ разъ вывернулись изъ бѣды, но можно сказать, что это были послѣдніе успѣхи Слѣпышева въ общественныхъ дѣлахъ. Не менѣе интересна жалоба, поданная въ 1789 г. правителю намѣстничества И. В. Ламбу на старосту д. Холкина, Фрола Федорова, и Слѣпышева крестьяниномъ д. Веденина Семеномъ Васильевымъ. Въ ней последній жалуется, что Слѣпышевъ отнялъ у него домъ, всю землю и вмѣстѣ со старостой Федоровымъ держали его подъ арестомъ. Вслѣдствіе поданной имъ 13 іюня 1789 года жалобы на нихъ директору экономіи, полковнику Ивану Козьмичу, костромская казенная палата, въ вѣдѣніи которой находились дворцовыя имѣнія, сообщила въ намѣстническое правленіе, а послѣднее предписало варнавинскому исправнику и

земскому суду произвести слѣдствіе. Но послѣдніе ограничились тѣмъ, что приказали Васильеву снять посѣянный имъ на своей землѣ хлѣбъ, когда же онъ послалъ жать рожь свою жену Анну и работницу Прасковью Алексѣеву, то Слѣпышевъ прогналъ жницъ. Тогда Васильевъ, узнавъ объ этомъ отъ жены, отправился въ г. Варнавинъ и подалъ исправнику жалобу на Слѣпышева, но исправникъ жалобы не принялъ, а послалъ для изслѣдованія дѣла засѣдателя земскаго суда, крестьянина Никиту Расторгуева. Пріѣхавъ вмѣстѣ съ Васильевымъ въ село Трехсвятское—Урень тожъ—Расторгуевъ пошелъ съ нимъ въ приказную избу, гдѣ и объявилъ бывшимъ въ ней старостѣ Ивану Фадѣеву и крестьянину Слѣпышеву, что онъ присланъ отъ исправника, который приказалъ, чтобы Васильеву они не дѣлали никакихъ притѣсненій, но староста и Слѣпышевъ, несмотря на это, приказали сторожамъ заковать въ ножные кандалы Васильева, продержали подъ арестомъ 8 сутокъ, морили его голодомъ и угрожали отдать въ солдаты. Васильевъ былъ человѣкъ находчивый: онъ во первыхъ объявилъ письменно объ этомъ священнику с. Трехсвятскаго Вакху Иванову, а во вторыхъ подкупилъ за 5 р. ассигн. караульнаго Ивана Кондратьева, который вечеромъ освободилъ Васильева. Тогда послѣдній сказалъ сторожу, чтобы искали его не въ домѣ, а въ г. Костромѣ; но о побѣгѣ его узналъ староста Ковшаревъ, сообщившій объ этомъ Слѣпышеву. Послѣдній велѣлъ Ковшареву уговорить Васильева оставить намѣреніе идти жаловаться въ Кострому, обѣщая возвратить ему домъ и землю. Поэтому Васильевъ не поѣхалъ въ Кострому, но потомъ Слѣпышевъ, отправляя пойманнаго еще въ декабрѣ 1788 г. дезертира Ивана Кузнецова въ Макарьевскую нижнюю расправу, донесъ на Васильева, что Кузнецовъ жилъ будто бы у него и у дяди его Василія Антипина. Вслѣдствіе этого расправа сдѣлала распоряженіе объ арестованіи ихъ, какъ подозрительныхъ людей; поэтому Васильевъ, Антипинъ и той же волости крестьянинъ Алентій Игнатьевъ отправились въ Кострому искать себѣ защиты; они боялись

притѣсненій отъ расправы, потому что, какъ они заявили намѣстническому правленію, „съ присутствующими той расправы Слѣпышевъ имѣетъ хлѣбосольство“. Слѣпышевъ послалъ за ними въ погоню сотскаго съ четверыми понятыми, которые настигли ихъ въ деревнѣ Терщинѣ, имѣніи гр. С. В. Салтыкова; посланнымъ удалось захватить Антипина, а у Васильева сотскій выхватилъ только бумажникъ съ 34 рублями, но самого его не задержалъ и Васильеву удалось дойти до Костромы.

Въ заключеніе своей жалобы Васильевъ просилъ правителя намѣстничества „чрезъ кого надлежитъ (кромѣ Макарьевской нижней расправы, капитана-исправника и варнавинскаго нижняго земскаго суда), произвести о причиненныхъ ему притѣсненіяхъ слѣдствіе, возвратить отнятыя у него сотскимъ деньги и въ томъ учинить защищеніе и покровительство“. Понятно, что такихъ настойчивыхъ людей, какъ Васильевъ, въ то время въ Устинской волости было немного и большинство крестьянъ поневолѣ терпѣло надъ собой гнетъ Слѣпышева, потому что ближайшія власти, Макарьевская расправа и варнавинскій исправникъ, потакали ему. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе постоянныхъ жалобъ на Слѣпышева, высшая администрація пришла, наконецъ, къ тому убѣжденію, что Слѣпышева нужно удалить изъ Устинской волости.

Въ 1790 году былъ составленъ крестьянами С. Ивановымъ и И. Ивановымъ реэстръ подаркамъ, переданнымъ Слѣпышеву и его сообщникамъ, старостамъ Ковшареву и Фаддѣеву, выборному Наумову и другимъ, на сумму 1424 р.; реэстръ этотъ они представили начальству при прошеніи. По этому доносу производилось слѣдствіе и сняты были допросы съ Ковшарева, Фаддѣева, Наумова. Ковшаревъ на допросѣ показалъ, что „С. Иванова въ тюремной избѣ не держалъ, И. Маркова въ приказѣ никогда батожьемъ не сѣкъ и бралъ ли Слѣпышевъ съ крестьянъ какія взятки—не знаетъ“. Староста Фаддѣевъ показалъ, что онъ собиралъ по мірскому приговору съ разныхъ крестьянъ деньги на общественные расходы. Затѣмъ спрашивали жаловавшихся крестьянъ, изъ которыхъ Ивановъ показалъ, что въ тюремную избу онъ былъ посаженъ не Ков-

шаревымъ, а Слѣпышевымъ; Марковъ показалъ, что Ковшаревъ со Слѣпышевымъ въ 1789 году въ приказной избѣ сѣкли его батожьемъ за непредставленіе сына въ рекруты; а также въ то же время наказали Фокина. Далѣе изъ допросовъ выяснилось, что за освобожденіе отъ военной службы крестьянинъ Г. Григорьевъ заплатилъ старостѣ Фаддѣеву 150 руб.

Все это послужило къ тому, что Слѣпышевъ, Ковшаревъ, Ф. Федоровъ, съ другими ихъ сообщниками, по распоряженію генералъ-губернатора Заборовскаго, въ 1795 году, если не ошибаемся, были арестованы и отвезены въ Кострому, откуда уже не возвратились. Крестьянинъ П. Еремѣевъ передалъ мнѣ, что Слѣпышевъ бѣжалъ изъ Костромы, но уже не являлся въ Устинскую волость, а жилъ нѣсколько лѣтъ у какого то купца. Когда Слѣпышевъ умеръ, купецъ написалъ объ этомъ его сыну. Ф. Федоровъ былъ отвезенъ въ Свіяжскъ, гдѣ и умеръ, а остальные сообщники Слѣпышева были сосланы въ Сибирь. Послѣ удаленія Слѣпышева Плѣшивенокъ началъ пользоваться вліяніемъ на крестьянъ. Въ журналѣ „Истина“ за 1875 годъ священникъ Федоръ Нагоровъ сообщаетъ: „Слѣпышевъ пропалъ безъ вѣсти, за нимъ пріѣзжали и увезли неизвѣстно куда“. За недостаткомъ письменныхъ свѣдѣній, мы воспользуемся разсказомъ крестьянина д. Елховки, Г. Иванова, который, будучи въ 1879 году 84 лѣтъ отъ роду, слышалъ о Слѣпышевѣ отъ стариковъ, а Плѣшивенка зналъ лично. По его словамъ, для арестованія Слѣпышева пріѣзжалъ въ с. Урень изъ Костромы вице-губернаторъ съ командой солдатъ, который приказалъ взять Слѣпышева и отвезти въ Кострому. Народное преданіе говоритъ, что вице-губернаторъ, собравъ крестьянъ, сказалъ имъ, чтобы приверженцы Слѣпышева отдѣлились отъ остальныхъ крестьянъ, поддерживавшихъ Плѣшивенка. Поэтому нѣсколько десятковъ изъ прихода с. Тонкина изъявили желаніе слѣдовать за нимъ, но Слѣпышевъ сказалъ имъ: „оставьте меня, дѣтки“, такъ что съ нимъ было взято только нѣсколько человѣкъ: голова Ковшаревъ, староста Фаддѣевъ и другіе.

По понятіямъ мѣстныхъ крестьянъ Слѣпышевъ былъ чернокнижникъ.

Слѣпышевъ велъ борьбу съ И. П. Плѣшивенкомъ; послѣдній имѣлъ на своей сторонѣ симпатіи крестьянъ, не любившихъ Слѣпышева, но боявшихся его.

Народная пѣсня, сложенная въ Уренскомъ приказѣ, такъ изображаетъ жизнь уренцевъ и значеніе Слѣпышева:

Хорошо намъ ребята
Во селѣ, во Уренѣ,
А еще того лучше
Въ худобатковскомъ углѣ:
Насъ тамъ кормятъ и поятъ
Спать. . . . .
. . . .
Но лихъ на насъ собака,
Воръ Михайло Слѣпышевъ,
Онъ не пилъ съ миромъ, не ѣлъ
Завсегда въ книгу глядѣлъ,
Про все, шельма, разумѣлъ.

Слѣпышевъ принадлежалъ къ сектѣ Спасова согласія и имѣлъ въ домѣ своемъ, въ д. Веденинѣ, часовню.

Плѣшивенокъ также слылъ между крестьянами знахаремъ, заговореннымъ отъ пуль. По народному разсказу, онъ возвращался изъ военной службы въ 1790 году и встрѣтился въ лѣсу съ разбойниками. Главный изъ нихъ остановилъ его и направилъ въ него ружье, но произошла осѣчка. Атаманъ удивился этому, а Плѣшивенокъ, пользуясь этимъ, бросился на него и при помощи своихъ товарищей убилъ его, остальные разбойники убѣжали, оставивъ въ пользу Плѣшивенка награбленныя ими деньги, оружіе и вещи.

Послѣ удаленія Слѣпышева изъ Устинской волости, головой назначенъ былъ Плѣшивенокъ.

Въ архивъ костромской удѣльной конторы было передано изъ удѣльной экспедиціи дѣло, возбужденное въ 1803 году костромскимъ губернаторомъ.

Послѣдній писалъ въ экспедицію, что И. Плѣшивенокъ, служившій въ то время выборнымъ Устинской волости, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы удѣльные крестьяне не повиновались исправникамъ и земской полиціи. Изъ этого видно, что

Плѣшивенокъ, подобно Слѣпышеву, въ XIX вѣкѣ также хотѣлъ отстаивать самоуправленіе Устинской волости, но неудачно.

Потомки Плѣшивенка, отъ которыхъ мы получили свѣдѣнія объ ихъ предкѣ, живутъ въ с. Темтѣ.

Скажемъ нѣсколько словъ объ учрежденіи г. Варнавина[1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что учрежденіе городовъ по р. Ветлугѣ было необходимо, такъ какъ сообщеніе съ городомъ Макарьевомъ было затруднительно; слѣдуетъ однако признать, что мѣсто для г. Ветлуги было избрано удобное, тогда какъ Варнавинъ основанъ на мѣстѣ пустыни Варнава неудачно.

Варнавинъ находится въ мѣстности мало населенной, а сто лѣтъ тому назадъ совершенно пустынной; въ то время села Баки, Лапшанга и Урень считались торговыми пунктами уѣзда. Поэтому удобнѣе было открыть уѣздный городъ въ одномъ изъ этихъ селеній, особенно въ Лапшангѣ или въ Уренѣ [2]). Намъ разсказывалъ лѣсопромышленникъ, занимающійся сплавомъ лѣса по р. Ветлугѣ, что въ 1830-хъ годахъ рабочіе его во время остановокъ съ плотами подъ Варнавиномъ съ трудомъ доставали хлѣбъ въ городѣ въ казармахъ у солдатъ, потому что въ то время базары собирались въ с. Лапшангѣ въ 5 верстахъ отъ Варнавина. Вообще Варнавинъ и теперь принадлежитъ къ худшимъ городамъ Костромской губерніи и торговые обороты въ немъ ничтожны, между тѣмъ какъ Ветлуга съ каждымъ годомъ улучшается и торговля ея увеличивается. Въ 1881 году на губернскомъ земскомъ собраніи въ Костромѣ былъ поднятъ вопросъ о переводѣ ярмарокъ изъ с. Уреня въ г. Варнавинъ, вслѣдствіе ходатайства Варнавинскаго земства. Земское собраніе, по выслушаніи уполномоченнаго отъ удѣла, доказывавшаго, что ярмарки въ с. Уренѣ собираются изстари, не согласилось перевести ихъ въ г. Варнавинъ. Трехсвятское, Урень тожъ, до 1778 года принадлежало къ Царевосанчурскому уѣзду Вятскаго намѣстничества [3]).

---

[1]) По преданію, для открытія гг. Ветлуги и Варнавина въ декабрѣ 1778 г. пріѣзжалъ изъ Костромы вице-губернаторъ Алалыкинъ.

[2]) Замѣтимъ, что названіе Урень происходитъ отъ черемисскаго слова *уръ*, то есть бѣлка.

[3]) См. Нов. и Пол. Геогр. Лекс. Росс. Госуд., ч. V, М. 1789 г., стр. 297.

II.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины II удѣльные крестьяне состояли въ вѣдѣніи казенныхъ палатъ, но со вступленіемъ на престолъ Императора Павла I въ ихъ положеніи произошли важныя перемѣны. При казенныхъ палатахъ были учреждены удѣльныя экспедиціи, подчиненныя Департаменту удѣловъ, въ завѣдованіе которыхъ поступили удѣльныя земли. Лѣса остались по прежнему въ вѣдѣніи оберъ-форштмейстера, вмѣстѣ съ казенными землями; для надзора за лѣсами были назначены лѣсные смотрители. Внутренній порядокъ въ удѣльныхъ селеніяхъ былъ также утвержденъ въ то время.

2-го октября 1797 г. при костромской казенной палатѣ была открыта удѣльная экспедиція, первымъ совѣтникомъ которой былъ назначенъ нѣкій Васьковъ, принимавшій удѣльныя имѣнія. Въ 1799 году было куплено удѣломъ Баковское имѣніе (въ Варнавинскомъ уѣздѣ) у княжны Долгоруковой, а еще раньше, въ 1797 году, Спиринское (въ Ветлужскомъ уѣздѣ), у оберъ-провизора М. И. Походжина; послѣднее однако было принято въ удѣлъ только въ 1803 году.

Въ 1800 году Департаментъ удѣловъ предписалъ снять внутреннее расположеніе удѣльныхъ селеній, земель и лѣса, такъ какъ подробныхъ плановъ на земли въ то время не было. Какъ это измѣреніе производилось, неизвѣстно, но изъ имѣющагося у насъ счета выборнаго с. Уреня, Трофима Фаддѣева, за 1801 годъ видно, что оно стоило не дешево удѣльнымъ крестьянамъ, содержавшимъ на свой счетъ землемѣровъ. Изъ этого списка видно, что землемѣровъ въ Устинской волости было двое, Иванъ Ивановичъ Невельскій и Степанъ Михайловичъ (фамилія неизвѣстна); при нихъ состоялъ подъячій И. Титовъ.

Изъ статей расхода, записанныхъ въ счетѣ, видно, что землемѣры больше всего употребляли напитковъ. Въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ всего израсходовано было на нихъ 452 р. 55 коп. Первая статья расхода гласитъ: „за напитки про межевыхъ“—

60 руб., 25 руб. и 50 руб. Далѣе слѣдуютъ статьи: отдано подъячему Титову 50 руб., землемѣру Степану Михайловичу купленъ штофъ водки въ 1 рубль, дано сторожу межевыхъ Михею Евстафѣеву на расходы 5 руб. и т. д. Отсюда видно, что межевымъ въ Устинской волости жилось недурно. Понятно, что народъ былъ правъ, когда пріѣздъ землемѣра сравнивалъ съ голодомъ, какъ въ Новгородской губерніи, въ которой намъ удалось слышать пословицу: „либо голодъ, либо моръ, либо межевой на дворъ“.

Познакомимся подробнѣе съ внутреннимъ порядкомъ, дѣйствовавшимъ въ удѣльныхъ приказахъ, по инструкціи. Въ приказахъ удѣльныхъ крестьянъ для управленія были установлены должности: приказнаго выборнаго, или головы, двоихъ старостъ и писаря; а въ селахъ и деревняхъ выборные и десятскіе (§ 4). На выборныхъ возложенъ былъ надзоръ за порядкомъ, обнародованіе распоряженій, вразумленіе о соблюденіи постовъ, наблюденіе за исправностью дорогъ, торговлей, поимкой бѣглыхъ и проч.. Казенный староста обязанъ былъ собирать подати и разные денежные сборы и вносить ихъ въ казначейство.

Жалованья было назначено: приказному выборному или головѣ 20 руб.; старостѣ и писарю по 15 руб., а деревенскимъ выборнымъ по 10 руб въ годъ, съ освобожденіемъ ихъ отъ нарядовъ и работъ. За оскорбленіе приказнаго выборнаго словомъ полагалось 1 руб., а за остальныхъ должностныхъ лицъ по 50 коп. штрафа, за оскорбленіе же ихъ дѣйствіемъ взыскивался тройной штрафъ.

Приказнымъ выборнымъ вмѣнялось также въ обязанность пріучать крестьянъ къ разведенію „земляныхъ яблоковъ“, т. е. картофеля, для чего были устроены особыя общественныя ямы въ каждомъ приходѣ. Подозрительныхъ людей имъ было велѣно ловить и представлять исправникамъ, донося въ то же время экспедиціи удѣловъ (§ 23). Въ заключеніе инструкціи сказано: приказные выборные къ взяткамъ отнюдь не должны касаться; по колику они какъ за упущеніе своихъ должностей,

такъ и за удрученіе своихъ подчиненныхъ, подвержены будутъ равному взысканію и по законамъ истязанію.

Примѣняясь къ этой инструкціи, экспедиція удѣловъ давала наставленія выборнымъ.

Порядокъ завѣдованія казенными лѣсами изложенъ въ инструкціи старшему лѣсному надзирателю. Мы познакомимъ читателя съ ней, такъ какъ нѣкоторыя правила, изложенныя въ инструкціи, цѣликомъ вошли въ лѣсной уставъ, дѣйствующій въ настоящее время. Въ первомъ пунктѣ инструкціи между прочимъ сказано, что „всѣ лѣса удѣльныхъ имѣній и экономическихъ крестьянъ, ямщиковъ, ясашныхъ (т. е. инородцевъ) и прочаго званія крестьянъ, также при заводахъ, фабрикахъ состоящія и т. п. состоятъ въ точномъ вѣдѣніи оберъ-форштмейстеровъ“.

Лѣсные надзиратели избирались на одинъ годъ изъ мѣстныхъ крестьянъ и состояли въ завѣдованіи старшаго надзирателя, назначавшагося изъ числа ихъ. Форштмейстеръ получалъ отъ нихъ словесныя донесенія о состояніи лѣсовъ.

Въ особенныхъ случаяхъ, напр. при порубкѣ, пожарѣ и проч., старшій надзиратель обязанъ былъ доносить форштмейстеру, земскому суду и посылать рапортъ оберъ-форштмейстеру въ контору.

Въ восьмомъ пунктѣ инструкціи сказано, что дранье лубья и мочалъ съ липы и вяза воспрещается, а добываніе смолы изъ осины и малорослаго лѣса, кустарника, валежника, „травы папоротника“, и сидка дегтя дозволялись только для домашней надобности изъ отведенныхъ участковъ. Изъ инструкціи также видно, что въ началѣ истекшаго столѣтія правительство стремилось къ правильному эксплоатированію казенныхъ лѣсовъ. Такъ, лѣсосѣки для рубки назначались не сряду, а чрезъ полосу, и на каждой оставлялось для обсѣмененія отъ 20 до 25 лучшихъ деревъ. За самовольныя порубки въ казенныхъ лѣсахъ виновныхъ, въ особенности помѣщичь-

ихъ крестьянъ, на основанiи Высочайшаго указа отъ 6 iюня 1799 года, отдавали безъ зачета въ солдаты.

Наконецъ въ восемнадцатомъ пунктѣ предписывается лѣснымъ надзирателямъ „смотрѣть за лѣсами неусыпно и вотчинныхъ начальниковъ (т. е. головъ и старостъ) не допускать къ освидѣтельствованiю порубокъ и пожаровъ безъ чиновника Лѣсного Управленiя и Земскаго Суда, а ежели власть сiю присвоятъ будутъ (начальники), о томъ доносить долженъ старшiй лѣсной надзиратель форштмейстеру". Такимъ образомъ, мѣстное наблюденiе за казенными лѣсами поручалось надзирателямъ, которымъ не было разсчета преслѣдовать своихъ крестьянъ въ порубкахъ лѣса. Между тѣмъ форштмейстеръ, завѣдовавшiй лѣсами Устинской волости, жилъ въ городѣ Макарьевѣ, т. е. находился отъ волости за 200 верстъ, и потому не могъ принести охраненiю лѣсныхъ дачъ существенной пользы.

Въ началѣ 1808 года Департаментъ Удѣловъ былъ преобразованъ; взамѣнъ удѣльныхъ экспедицiй были открыты удѣльныя конторы. Костромская удѣльная контора открыта 1 октября 1808 г. и первымъ управляющимъ ея былъ назначенъ кол. сов. Ушаковъ.

Вскорѣ по вступленiи въ должность Ушаковъ предписалъ 3 октября удѣльнымъ приказомъ немедленно взыскать казенныя подати съ крестьянъ за 1808 г. Въ томъ же году Департаментъ Удѣловъ предписалъ 17 сентября 1808 г. управляющимъ конторами не допускать переселенiя удѣльныхъ крестьянъ изъ одной деревни въ другую подъ опасенiемъ штрафа по 10 руб. съ души и возвращенiя ихъ на прежнее мѣсто. Такимъ образомъ, въ началѣ XIX столѣтiя удѣльные крестьяне были прикрѣплены къ землѣ наравнѣ съ помѣщичьими. Затѣмъ 2 декабря 1809 г. Ушаковъ предписалъ удѣльнымъ приказамъ оказывать содѣйствiе медикамъ, назначеннымъ для привитiя дѣтямъ коровьей оспы, но безъ израсходованiя на это мiрскихъ суммъ.

Въ 1828 году были изданы министромъ двора, княземъ Волконскимъ, правила для сбора податей и удѣльныхъ доходовъ. Изъ нихъ видно, что (§ 16) сельскіе начальники непосредственно обязаны были доносить Министерству Императорскаго Двора въ тѣхъ случаяхъ, когда чиновники принуждали ихъ къ противозаконнымъ сборамъ. Чиновникамъ Удѣльной Конторы (§ 18) правилами воспрещалось при побужденіи крестьянъ къ платежу недоимокъ собирать самимъ съ крестьянъ деньги или брать ихъ изъ приказа для доставленія въ удѣльную контору. По § 6 на управляющаго конторою возлагалось составленіе платежныхъ табелей всѣмъ сборамъ, взыскиваемымъ съ удѣльныхъ крестьянъ и представленія ихъ на утвержденіе Департаменту Удѣловъ.

Крестьянинъ д. Елховки Ивановъ разсказывалъ намъ, что въ 20-хъ годахъ изъ Варнавина часто пріѣзжалъ въ Урень засѣдатель полицейскаго управленія В. И. Ждановъ, напр. для поимки бѣглыхъ и дѣлателей фальшивой монеты. При этомъ Иванову приходилось часто возить Жданова, такъ какъ онъ нанимался въ то время въ ямщики отъ приказа. Поиски Жданова рѣдко бывали успѣшны, потому что Удѣльный приказъ, получивъ объ этомъ увѣдомленіе, давалъ знать бѣглымъ, и послѣдніе успѣвали скрыться. По словамъ Иванова, дорога отъ с. Урень до гор. Варнавина была въ то время узка и неудобна, потому что почтоваго тракта тогда не было и чиновниковъ возили на обывательскихъ, нанимаемыхъ приказомъ на общественный счетъ.

Не только въ то время, но и гораздо позже, напримѣръ въ 70-хъ годахъ, бѣглые и фальшивомонетчики скрывались въ Устинской волости; чины уѣздной полиціи не могли поймать ихъ.

Намъ разсказывали въ д. Большомъ Горевѣ (Уренской волости), что въ 30-хъ годахъ тамъ дѣлалъ фальшивые серебряные рубли крестьянинъ И. Викуловъ, который былъ наказанъ за это кнутомъ въ Варнавинѣ и сосланъ въ Сибирь. Въ острогѣ Викуловъ сочинилъ слѣдующую пѣсню:

Всѣ тѣ лѣсички, всѣ порублены лежатъ;
Всѣ тѣ молодцы, всѣ на волюшкѣ живутъ;
Одинъ Ванюшка во побѣдушкѣ сидитъ,
Во побѣдушкѣ въ бѣлой каменной тюрьмѣ,
Въ бѣлой каменной за желѣзными дверьми,
За желѣзными висящими замками.
Выходилъ Ваня на широкій на свой дворъ,
Говорилъ Ваня своему доброму коню:
Ужъ ты конь же, мой конь, добра лошадь моя,
Что не вывезъ изъ побѣды меня молодца,
Изъ побѣдушки—бѣлой каменной тюрьмы.
Заутра Ваню къ наказанію повели,
Къ наказанію, къ окрашенному столбу,
Къ окрашенному, къ позлащенному кольцу.
На передъ Вани офицеры и судьи,
По бокамъ Вани все солдаты съ тесаками,
По правую руку отецъ съ матерью идутъ,
По лѣвую руку молодая жена съ дѣтьми,
Позади Вани идетъ злой палачъ съ кнутомъ.
Говорилъ Ваня молодой своей женѣ:
Ты жена ли, ты жена, жена барыня моя,
Сойми съ меня, жена, золотые ключи,
Отопри ка ты дубовые сундуки,
Ты возьми, жена, золотыя то казны
Ужъ ты дай-ка, жена, дай ты злому палачу,
Чтобы злой палачъ полегче Ваню наказалъ.

III.

Въ началѣ 1829 года Костромская удѣльная контора воспретила крестьянамъ Уренскаго приказа расчищать поляны или кулиги въ лѣсахъ[1]) и предписала приказу привести поляны въ извѣстность, составивъ имъ вѣдомости. Въ предписаніи конторы отъ 10 января 1830 года сказано между прочимъ:

[1]) Крестьяне Уренскаго приказа пользовались въ лѣсныхъ дачахъ, кромѣ сѣнокосовъ, доходами съ бортового пчеловодства. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли въ 1830-хъ годахъ до 500 бортовыхъ деревъ или ульевъ. Въ 1870-хъ годахъ мы встрѣчали между ними крестьянъ, имѣвшихъ до 200 ульевъ. См. Обозрѣніе сельскаго хозяйства удѣльныхъ имѣній. Составлено 1840 года Департаментомъ Удѣловъ; стр. 106.

„онаго приказа крестьяне безъ всякой для удѣла выгоды 1829 года сверхъ подѣленной имъ на душу участковъ земли самовольно распоряжались лѣсомъ и землею, принадлежащими Удѣлу Ея Императорскаго Высочества покойной королевы Виртембергской, какъ собственностію своей“.

Поэтому Удѣльная Контора предписала приказу объявить крестьянамъ, что съ 1829 года эти земли не принадлежатъ имъ и должны поступить въ оброчное содержаніе.

Приказъ представилъ въ Удѣльную Контору вѣдомость полянамъ или кулигамъ, которыхъ оказалось пахотныхъ 16,476 и сѣнокосныхъ 5942, а всего 22418. За эти кулиги крестьяне согласились платить ежегодно по 3 руб. съ души, въ чемъ составили приговоръ 27 января 1829 года; но Удѣльная Контора не согласилась на это, а постановила взыскать съ крестьянъ за каждую пахотную кулигу по 1 руб. 50 коп., а сѣнокосную—75 коп., съ тѣмъ, чтобы позволялось передавать эти кулиги отъ одного крестьянина къ другому не въ собственность, а для арендпаго содержанія. Постановленіе это Департаментъ Удѣловъ утвердилъ. Поэтому Удѣльная Контора 14 іюня 1829 г. предписала Уренскому приказу взыскать съ крестьянъ за кулиги: за пахотныя 24,714 руб. и за сѣнокосныя 4,456 руб. 50 к. и выслать въ Контору вмѣстѣ съ прочими доходами.

Но нѣкоторые изъ крестьянъ, говорится далѣе въ предписаніи, „закоснѣвъ въ своевольствѣ и забывъ должное повиновеніе къ начальству, возбудили прочихъ къ неповиновенію, подъ видомъ будто бы отягощенія. За таковой мятежъ опредѣлено имъ отъ правительства примѣрное наказаніе“. Для усмиренія крестьянъ въ томъ же году пріѣзжалъ въ Урень вице-президентъ департамента удѣловъ графъ Л. А. Перовскій, но поѣздка его не достигла цѣли, потому что крестьяне продолжали упорно отказываться отъ платежа поземельнаго налога.

По разсказамъ старожиловъ, для наказанія непокорныхъ крестьянъ были высланы изъ города Варнавина инвалидная команда, или, какъ крестьяне говорятъ: „штатные солдаты“;

они стояли въ Уренскомъ приказѣ около 2-хъ мѣсяцевъ и производили экзекуцію надъ виновными. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ крестьяне согласились платить оброкъ за кулиги и тогда инвалидная команда возвратилась въ городъ.

Для уравненія платежа за кулиги, Удѣльная Контора предписала Уренскому приказу вызвать въ Урень по 10 человѣкъ крестьянъ изъ каждаго участка, на которые раздѣлялся приказъ, и съ согласія ихъ опредѣлить плату за кулиги.—По предложенію крестьянина Федотовскаго участка, Аксена Иванова, было рѣшено измѣрить прежде кулиги въ каждой деревнѣ и тогда уже платить по числу десятинъ земли [1]).

Удѣльная контора представила объ этомъ на разрѣшеніе Департамента Удѣловъ; послѣдній 2-го ноября 1829 года предписалъ привести это въ исполненіе, съ тѣмъ, чтобы земли были измѣрены въ десятины. Но въ виду поздняго времени Департаментъ съ утвержденія Министра Императорскаго Двора, князя Волконскаго, предписалъ взыскать за 1829 г. оброкъ съ крестьянъ за кулиги: за пахотную 1 р. 50 коп.; за сѣнокосную 75 коп., а весной 1830 года, чрезъ избранныхъ изъ крестьянъ землеверстателей, привести въ извѣстность всѣ кулиги въ Уренскомъ приказѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что земля на кулигахъ, расчищенная изъподъ лѣсовъ, отличалась плодородіемъ и потому крестьяне кулигами особенно дорожили.

Въ концѣ предписанія Конторы говорится такъ: „но если и за симъ паче всякаго чаянія окажется отъ кого либо непо виновеніе, то безъ всякой пощады будутъ наказаны по всей строгости законовъ, какъ бунтовщики и возмутители государственнаго порядка“.

Предписаніе это не помогло и въ 1830 г., по поводу приведенія въ извѣстность кулигъ и взысканія за нихъ оброка, между крестьянами Уренскаго приказа возникли безпо-

---

[1]) См. тамъ же, стр. 58.

рядки, для прекращенія которыхъ была назначена уже не инвалидная команда, а цѣлый баталіонъ солдатъ и для производства слѣдствія была наряжена военно-судная коммисія.

Для того, чтобы дать понятіе о платежахъ, взыскивавшихся въ 1830 году съ крестьянъ Уренской волости, воспользуемся платежною табелью.

Въ 1830 году въ Уренскомъ приказѣ было $147\frac{3}{4}$ селеній, въ коихъ считалось 4956 ревизскихъ душъ; съ нихъ ежегодно взыскивалось сборовъ: 1) казенныхъ податей по 3 руб. съ души и другихъ 67 коп., итого 18029 р. 12 коп., 2) Удѣльныхъ доходовъ 10 руб. съ души — 49380 р. и 3) общественныхъ на жалованье головѣ 540 руб., двоимъ засѣдателямъ 240 р., двоимъ добросовѣстнымъ 240 р., писарю 400 руб. и т. д., итого 7273 руб. 22 коп., а всего 74682 руб. 34 коп.; вообще же собиралось съ души 15 руб. 10 коп. Для сравненія возьмемъ табель 1837 года, изъ которой видно, что въ то время въ Уренскомъ приказѣ было 174 селенія, съ 6552 душъ; съ нихъ назначено было взыскать поземельнаго сбора 149479 р. $31\frac{1}{4}$ к., то есть сборы увеличились вдвое, кромѣ сборовъ на общественныя надобности.

Въ томъ же 1830 году было учреждено въ с. Уренѣ отдѣленіе удѣльной конторы, въ составѣ управляющаго и двоихъ писцовъ; отдѣленію былъ подчиненъ приказъ. Для завѣдованія отдѣленіемъ былъ командированъ стряпчій П. Н. Губостовъ; въ 1831 году былъ назначенъ въ Урень управляющимъ Захарьинъ; послѣдній въ 1832 году былъ уволенъ, и на его мѣсто поступилъ, въ 1833 году, штабсъ-капитанъ А. З. Путьковскій. При немъ, въ 1834 году, были схвачены главные зачинщики возмущенія крестьянъ въ Уренскомъ приказѣ.

По поводу возмущенія Уренскихъ крестьянъ, въ 1830 году Департаментомъ Удѣловъ было разослано во всѣ приказы костромского имѣнія слѣдующее объявленіе:

„Его Сіятельство Господинъ Министръ Императорскаго Двора доводилъ до Высочайшаго свѣдѣнія о уклоненіи кресть-

янъ Уренской волости отъ платежа слѣдующихъ съ нихъ денегъ за владѣніе кулижными землями, о возмущеніи сихъ крестьянъ противъ мѣстнаго Удѣльнаго Начальства чрезъ происки нѣкоторыхъ неблагонамѣренныхъ изъ среды ихъ людей. Въ слѣдствіе чего Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: „Виновныхъ предать Уголовному Суду". О чемъ объявляется отъ Департамента Удѣловъ крестьянамъ костромского удѣльнаго имѣнія въ предостереженіе ихъ отъ подобныхъ поступковъ съ подтвержденіемъ, чтобъ никто не осмѣлился подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія по законамъ давать пристанище или укрывать отыскиваемыхъ виновниковъ возмущенія".

Переписка о назначеніи членовъ въ коммиссію для суда надъ возмутившимися крестьянами Уренской волости послѣ командированія туда военной команды продолжалась до конца года, такъ что коммиссія открыла свои дѣйствія въ концѣ 1830 года. Къ сожалѣнію, дѣлъ коммиссіи намъ отыскать не удалось, поэтому возмущеніе крестьянъ мы излагаемъ по разсказамъ стариковъ.

Лѣтомъ 1830 года въ Урень пріѣзжалъ управляющій удѣльною конторою Тихменевъ, стряпчій Губостовъ и исправникъ Збруевъ; они убѣждали крестьянъ въ с. Карповѣ платить поземельный сборъ, но безуспѣшно и даже съ большою опасностью для себя. По словамъ старожила Г. Иванова, который находился въ с. Карповѣ, тамъ собрались крестьяне со всего приказа, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Когда пріѣхалъ туда управляющій В. И. Тихменевъ, съ варнавинскимъ исправникомъ Збруевымъ и становымъ приставомъ Сорокинымъ, то крестьяне, вооруженные кольями, окружили домъ, въ которомъ остановились чиновники, и не соглашались платить оброкъ за кулиги.

Вскорѣ крестьяне начали угрожать Тихменеву и всѣмъ чиновникамъ, а болѣе дерзкіе предложили поджечь домъ, въ которомъ они находились, такъ что положеніе чиновниковъ сдѣлалось небезопаснымъ. Поэтому они, когда наступилъ ве-

черъ и толпа крестьянъ нѣсколько уменьшилась, при помощи приказнаго головы и полицейскихъ сотскихъ уѣхали въ Урень.

Въ с. Карповѣ намъ также передавали старожилы, что становой приставъ Сорокинъ едва успѣлъ спастись отъ преслѣдованія крестьянъ на лодкѣ, отправившись внизъ по р. Устѣ.

Происшествіе это подтверждается народною пѣснью, сложенной въ Уренскомъ приказѣ крестьяниномъ Иваномъ Борисовымъ, который въ 1831 году сидѣлъ подъ арестомъ въ д. Зеленыхъ-Лугахъ и былъ вмѣстѣ съ другими наказанъ розгами за бунтъ, по рѣшенію военно-судной коммиссіи. Вотъ эта пѣсня:

«Въ Устинской волости
Шесто-перстовъ на власти;
Управляющій Тихменевъ
И стряпчій Губостовъ
Эку тягу наложили:
Не съ обрѣзаны земельки,
За кулиги деньги брали.
Изъ приказныхъ воровъ
То и Павелъ Комаровъ [1];
Другой есть воришка
То Максимка писарекъ (Красильниковъ);
А третій есть воришка
То Филатко Соболевъ;
Разбольшуще подсыкало —
То Михайло Слѣпышевъ (староста);
Во деревнѣ Холкинѣ
Есть тутъ наговорщикъ —
То Егорко Рыжановъ;
А другой есть наговорщикъ —
То Герасимъ Колесо;
И третій наговорщикъ —
То Андрей Кудряшевъ;
Они думали, гадали
Все съ приказомъ за одно.

---

[1]) Старшина или голова.

Скоро міръ-отъ догадался:
Часты сходы собирали;
Первой-отъ-де сходикъ
На крутыхъ на горахъ,
Во зеленыхъ лугахъ;
Друго-отъ-де сходикъ—
Во Карповѣ селѣ;
Третій-отъ-де сходикъ—
Во деревнѣ во Темтѣ.
Они думали, гадали,
Тута просьбу составляли,
Ходакамъ руки давали—
Вы подите ка ребята
Въ славный городъ Петербургъ,
Вы подайте эту просьбу
На красномъ то мосту,
Императору Царю.
На колѣнки они пали,
На головку просьбу клали.
Ужь ты, батюшка, нашъ Царь,
Императоръ Николай,
Разсуди ка наше дѣло
Своимъ праведнымъ судомъ:
Изъ удѣльные конторы
Управляющій Тихменевъ,
Стряпчій Губостовъ
Эту тягу наложили
За кулиги деньги брали.

Вскорѣ для усмиренія крестьянъ Уренскаго приказа былъ назначенъ батальонъ Суздальскаго пѣхотнаго полка, штабъ-квартира котораго находилась въ д. Зеленыхъ-Лугахъ. Военно-судная коммисія, учрежденная по Высочайшему повелѣнію для суда надъ возмутившимися крестьянами Уренскаго приказа, окончила свои дѣйствія въ 1831 году, а 17-го ноября 1831 года рѣшеніе ея было Высочайше утверждено.

Въ эту коммиссію для увѣщанія крестьянъ былъ командированъ духовною консисторіею священникъ Николаевской церкви въ с. Бокахъ, Іоаннъ Поспѣловъ, который находился при коммиссіи съ 7 февраля по 20 мая 1831 года; въ теченіе этого времени онъ увѣщевалъ до 258 человѣкъ раскольниковъ разныхъ сектъ, какъ видно изъ аттестата, выданнаго ему

коммиссiею. Послѣдняя засвидѣтельствовала передъ епархiальнымъ архiереемъ, что Поспѣловъ помогъ ей выяснить много обстоятельствъ въ дѣлѣ возмущенiя крестьянъ.

Поэтому въ 1832 году Поспѣловъ былъ переведенъ въ с. Урень на мѣсто священника Мирона Вакхова, который за потворство старообрядцамъ былъ оставленъ за штатомъ на половинномъ окладѣ. Вообще дѣятельность Поспѣлова въ Уренѣ была полезна и не походила на дѣйствiя прежнихъ священниковъ. Это видно также изъ приказа старшинѣ Захарову головы Уренскаго приказа Артемiя Ривонова отъ 19 января 1833 г., въ которомъ объяснено, что священникъ I. Поспѣловъ внушалъ прихожанамъ, чтобы они въ болѣзняхъ призывали его для помощи и причащенiя св. таинъ; но прихожане уренской церкви не исполняли этого и погребали умершихъ тайно, безъ вѣдома священника. Поэтому приказъ строго предписалъ старшинамъ, чтобы они слѣдили за этимъ и не позволяли тайно хоронить покойниковъ.

Священникъ Артемiй Васильевъ 10 ноября 1831 года самъ отказался отъ мѣста при церкви с. Уреня, а въ 1832 году онъ былъ назначенъ при Трехъ-Святской церкви с. Уреня причетникомъ. Замѣчательно, что эти священники были малограмотны и не умѣли вести самой простой дѣловой переписки; жены и дѣти ихъ, какъ видно изъ вѣдомостей за 1831 годъ, были вовсе неграмотны. Поэтому для составленiя вѣдомостей они приглашали причетниковъ изъ села Благовѣщенскаго, что на р. Ветлугѣ, куда принадлежалъ въ то время Уренскiй приходъ по благочинническому участку. Когда открыла свои дѣйствiя въ Уренскомъ приказѣ военно-судная коммиссiя, главные зачинщики возмущенiя крестьянъ успѣли бѣжать изъ Уреня, такъ что поймали ихъ и судили уже позже, въ 1834 — 1836 г., въ варнавинскомъ уѣздномъ судѣ. Главный зачинщикъ бунта, какъ его называли въ оффицiальныхъ бумагахъ, Герасимъ Никитинъ Шипилевъ (онъ же Баскаковъ) успѣлъ скрыться и отправился въ 1832 г. въ Петербургъ, гдѣ и подавалъ Императору Николаю просьбу отъ всей Уренской волости.

Въ маѣ 1833 г онъ прислалъ въ Урень своимъ сообщникамъ письмо, къ которомъ просилъ выслать ему 1000 руб. для передачи чиновнику, который будто бы отправился изъ Петербурга въ Урень. Объ этомъ узналъ смотритель общества Аѳанасій Дерябинъ и донесъ управляющему отдѣленіемъ Н. Губостову.

Въ рапортѣ своемъ 23 мая 1833 года Дерябинъ объясняетъ, что деньги для Никитина собраны въ Троицынъ день и будутъ отданы крестьянину Кириллу Михайлову, а послѣдній отдастъ ихъ крестьянину Ивану Филиппову для отсылки на почту въ городъ Варнавинъ или Ветлугу. Получивъ донесеніе Дерябина, Губостовъ сообщилъ 25 мая объ этомъ варнавинскому исправнику и въ почтовыя конторы, прося перваго произвесть объ этомъ дознаніе, а послѣднихъ задержать деньги; было ли это исполнено, неизвѣстно; деньги эти предполагалось отправить на имя мѣщанина Клохтина. Послѣдній принималъ участіе въ возмущеніи крестьянъ уренскаго приказа, поэтому головой А. Ревуновымъ 24 января 1833 года было предписано старшинамъ о наблюденіи за Клохтинымъ, если онъ появится между уренскими крестьянами. Никитинъ появился лѣтомъ 1834 г. въ уренскомъ приказѣ, а въ ноябрѣ того же года онъ былъ пойманъ и отправлент подъ конвоемъ въ Кострому, гдѣ и былъ принятъ 13 ноября 1834 г. въ удѣльной конторѣ.

Департаментъ Удѣловъ 19 января 1835 года предписалъ: 1) предать Герасима Никитина уголовному суду, 2) четверыхъ крестьянъ, виновныхъ въ соучастіи съ Никитинымъ въ возмущеніи, сослать въ Сибирь на поселеніе и 3) кромѣ того одиннадцать крестьянъ д. Бабылевки отдать въ смирительный домъ на два мѣсяца на ихъ счетъ, взыскавъ съ нихъ издержки, употребленныя на производство по просьбѣ Никитина слѣдствія.

Никитинъ въ февралѣ 1835 года изъ костромского тюремнаго замка былъ отосланъ для допросовъ въ Варнавинскій уѣздный судъ.

Какъ видно изъ переписки, судъ не особенно торопился рѣшеніемъ участи Никитина, а началъ требовать изъ Уренскаго приказа высылки крестьянъ для допросовъ по этому дѣлу.

Медленность въ производствѣ дѣла побудила удѣльную контору сообщить объ этомъ въ губернское правленіе и губернскому прокурору. Послѣдній предписалъ варнавинскому стряпчему наблюдать за скорѣйшимъ окончаніемъ дѣла, а губернское правленіе нашло требованіе суда неправильнымъ и объявило членамъ суда и секретарю замѣчаніе.

Наконецъ 12 іюня 1836 г. Костромская Удѣльная Контора сообщила управляющему уренскаго отдѣленія Зобнинскому, что Герасимъ Никитинъ, по рѣшенію уголовной палаты, 4 іюня наказанъ за возмущеніе крестьянъ Уренской волости 20 ударами плетей, сосланъ въ Сибирь на поселеніе и исключенъ изъ списковъ.

Такъ кончилось дѣло о главномъ зачинщикѣ возмущенія крестьянъ Уренской волости; но потомъ еще производились дѣла о другихъ крестьянахъ, участвовавшихъ вмѣстѣ съ Шипилевымъ или Баскаковымъ въ этихъ безпорядкахъ. Дѣла о другихъ бѣглыхъ также еще продолжались.

Водворяя порядокъ въ Уренскомъ приказѣ, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ заботилось о введеніи лучшаго благоустройства въ этомъ отдаленномъ уголкѣ Костромской губерніи. Прежде всего обращено было вниманіе на то, что въ Уренскомъ приказѣ не существовало удобныхъ путей сообщенія, чрезъ что затруднялась поимка бѣглыхъ, скрывавшихся въ непроходимыхъ уренскихъ лѣсахъ. Въ началѣ 1831 года, во время бунта, Департаментомъ Удѣловъ командированъ былъ съ этою цѣлью въ Уренскій приказъ „по землемѣрской части канцеляристъ“ Мокеевъ, которому поручено было провести новыя дороги и составить смѣты на постройку мостовъ, а также снять на планъ всѣ „кулижныя“ земли, находившіяся во владѣніи крестьянъ Уренскаго приказа.

Изъ предписанія костромской удѣльной конторы отъ 11 февраля 1832 года видно, что канцеляристъ Мокеевъ со-

ставилъ въ 1831 году вѣдомость мостамъ, предположеннымъ къ постройкѣ въ Уренскомъ приказѣ, которую представилъ въ удѣльную контору 25 января 1832 г., но удѣльная контора предписала тит. сов. Губостову представить болѣе подробную смѣту на постройку мостовъ съ показаніемъ потребныхъ на постройку ихъ денежныхъ расходовъ, такъ какъ Мокеевъ этого не показалъ. Изъ этой вѣдомости видно, что было назначено построить 27 мостовъ, общимъ протяженіемъ 1028 саженъ, а гатей на 5 верстъ 437 саж.; причемъ мостовъ по дорогѣ отъ с. Урень чрезъ с. Семеновъ было назначено 12, а отъ с. Урень до д. Тонкина (нынѣ села), т. е. по нынѣшнему почтовому тракту въ Яранскъ, было предположено построить 15 мостовъ; изъ нихъ самый длинный—въ 420 саж.—былъ построенъ чрезъ р. Моркву и чрезъ долину р. Усты за деревнею Холкинымъ.

Мы не имѣемъ письменныхъ документовъ объ измѣреніи земель Мокеевымъ въ Уренскомъ приказѣ, но слышали разсказы объ этомъ крестьянъ, которые называютъ границы своихъ земель и теперь „Мокеевыми межами"; мосты и гати существуютъ и теперь на избранныхъ имъ мѣстахъ.

Потомъ чрезъ 10 лѣтъ, именно въ 1843 году, всѣ дороги въ Уренскомъ приказѣ были распредѣлены для ремонтировки и исправленія по участкамъ

Изъ предписанія 7 іюля 1843 г. Уренскаго приказа засѣдателю Михаилу Гордину видно, что въ это время въ Уренскомъ приказѣ числилось 6555 душъ крестьянъ, которымъ назначено было исправить натурой до 517½ верстъ проселочныхъ дорогъ, цифра довольно почтенная, если бы дороги исправлялись въ натурѣ, а не на бумагѣ.

Но послѣ проведенія новыхъ дорогъ нельзя было еще достигнуть полнаго спокойствія въ Уренскомъ приказѣ. Поэтому, спустя 8 лѣтъ, удѣльною конторою произведено было раздѣленіе Уренскаго приказа.

Въ 1851 году изъ него было образовано два приказа: Уренскій и Тонкинскій, въ первомъ оставлено 105 деревень

и починковъ, въ которыхъ числилось по девятой ревизіи 4574 души крестьянъ, а ко второму присоединено 122 деревни и 4240 душъ крестьянъ. Изъ этого можно видѣть, какъ обширенъ былъ до раздѣленія Уренскій приказъ или прежняя Устинская волость. Въ Уренскомъ приказѣ и Спиринскомъ его отдѣленіи (Ветлужскаго уѣзда) не существовало въ то время почтовыхъ дорогъ между Варнавиномъ и Яранскомъ съ одной стороны, и гг. Ветлугой и Никольскомъ съ другой.

Въ 1857 году Министръ Внутреннихъ Дѣлъ увѣдомилъ начальника костромской губерніи, что для улучшенія почтовыхъ дорогъ признано необходимымъ: 1) никольско-семеновскій трактъ привести въ такое положеніе, чтобы сообщеніе производилось въ теченіе всего года и 2) между Яранскомъ и Варнавиномъ установить почтовое сообщеніе.

Для удобнѣйшаго избранія направленія почтовой дороги между станціями Дѣково и Ивановской, въ Ветлужскомъ уѣздѣ, и между стан. Бѣлышевымъ и д. Шумиловой, въ Варнавинскомъ у., былъ командированъ строительною коммиссіею архитекторъ Свѣнцицкій, который составилъ смѣты на мосты по новымъ трактамъ. Почтовое сообщеніе открыто по Варнавинскому тракту въ 1858 г., а по Никольскому—въ 1860 г.

Замѣчательно, что первое распоряженіе о расширеніи дороги въ г. Ветлугу, для открытія по ней почтоваго сообщенія, было сдѣлано 14 августа 1848 г. исправникомъ Каринымъ, который предписалъ Спиринскому отдѣленію Уренскаго приказа выслать рабочихъ для устройства мостовъ. Затѣмъ переписка объ открытіи никольскаго тракта продолжалась болѣе 10 лѣтъ.

Въ 1863 году послѣдовало освобожденіе удѣльныхъ крестьянъ и надѣленіе ихъ землею. Лѣса и земли Уренскаго приказа были раздѣлены на три округа: 8-й въ с. Уренѣ, 9-й въ с. Тонкинѣ (Варнавинскаго у.) и 10-й—въ д. Спиринѣ (Ветлужскаго у.) Удѣльная контора была переведена изъ Костромы въ Нижній Новгородъ, гдѣ находится и въ настоящее время.

